

УДК 821.161.1-1

ТРАДИЦИИ А. А. БЛОКА В ПОЭЗИИ Ю. П. КУЗНЕЦОВА

В. А. Редькин, С. Ю. Николаева

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

А. А. Блок рассматривается как один из литературных предшественников и учителей Ю. П. Кузнецова. Творческая преемственность между двумя великими поэтами проявляется на уровне интертекста, в особенностях метафоризации и мифопоэтики, в развитии эпического и эпопейного начал, в социальной заостренности, в системе ключевых образов и концептов («пузыри земли», «путь Христа», «посох», «соловьинный/красный сад», «природа и цивилизация», Россия и др.).

Ключевые слова: *А. А. Блок, Ю. П. Кузнецов, метафора, интертекст, мифопоэтика, традиция.*

Сегодня все более осознается необходимость рассматривать современный литературно-художественный процесс через призму единой национальной духовной традиции. Без этого невозможно понять те общие закономерности появления и развития течений и направлений, школ и групп, которые мы имеем во второй половине XX века.

Творчество Юрия Кузнецова имеет глубочайшие ассоциативно-метафорические связи со Священным писанием, славянскими мифами, русским фольклором, древнерусской и лубочной литературой [5; 6; 7; 8]. Художественным текстам поэта присуща интертекстуальность, связанная с русской классической литературой. Во многих его стихах можно обнаружить голоса предшественников. Когда он утверждает в стихотворении «Распутье»: «Все равно на свете не остаться, / Я пришел и ухожу один», его слова соотносятся со строками известного стихотворения М. Ю. Лермонтова («Выхожу один я на дорогу...»). Когда он пишет: «Дым тихой родины скорбит», то сразу вспоминаются и «дым отечества», и «тихая моя родина», и «скорбный дух». Но ориентация на классику у Ю. Кузнецова далеко не исчерпывается миницитатами и аллюзиями. Он ведет серьезный диалог с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Гоголем, Достоевским, Л. Толстым, классиками мировой литературы на уровне идей, вступает в полемику по существенным вопросам бытия, мироздания, человеческой природы.

Типологические и генетические связи, несомненно, существуют и между двумя гениальными поэтами начала и конца XX века Юрием Кузнецовым и Александром Блоком.

А. А. Блок стремился к постижению сложного и противоречивого реального мира, но характерной особенностью блоковской поэтики было романтическое двоемирие. В соответствии с духом религиозной философии Владимира Соловьева, оказавшей серьезнейшее воздействие на юного Блока, все происходящее на земле воспринималось поэтом как отражение того, что происходит в мирах иных. Однако Блок довольно скоро преодолел влияние мистицизма, постарался освободиться от мистических элементов в своей поэзии и попытался обрести земной, реальный идеал. Он остался чуждым страшному миру реальности. Образы болота, тумана, бесконечных сменяющихся фантастических масок, неверного света луны становятся у него символами социального болота бездуховности. Вместе с тем поэт увидел,

что «на почве болотной и жуткой» произрастает нечто прекрасное, поэтическое, духовное. «О, я хочу безумно жить: / Всё сущее – увековечить, / Безличное – вочеловечить, / Несбывшееся – воплотить!» – вот кредо поэта-неоромантика.

Одним из важнейших источников понимания единства мира, взаимосвязи миров и стихий для Блока служила народная поэзия, народное мировоззрение. Он хорошо знал и глубоко осмысливал русские сказания, поверья и легенды, многие из которых слышал у себя в Шахматове и Боблове. Крестьяне верят, что «и холм живой, и дерево живое, и церковь живая», что «доски, всплывающие со дна глубокого пруда, – обломки иностранных кораблей, потому что пруд этот – “отдушина океана”» [1, т. 5, с. 357]. Признание всеобщей связи явлений мира – вот что почерпнул Блок в народной поэзии.

Вслед за Блоком душа Ю. Кузнецова приобщилась к великим тайнам бытия, к которым рвалась, мучаясь, страдая и прозревая истины, на протяжении всей жизни поэта. Анализ художественного мира Кузнецова позволяет сделать вывод о том, что это целостная система, отображающая глубинные связи мироздания. При чтении его стихов возникает ощущение текучести бытия, воплощенной автором, текучести, где все связано со всем, и бесконечно большая часть этих связей для человека непостижима. Реминисценции из сочинений Блока в текстах стихотворений Кузнецова подтверждают факт преемственности между поэтами. В данном случае особенно показательно такое восьмистишие:

Из земли в час вечерний, тревожный
 Вырос рыбий горбатый плавник.
 Только нету здесь моря! Как можно!
 Вот опять в двух шагах он возник.
 Вот исчез. Снова вышел со свистом.
 – Ищет моря, – сказал мне старик.
 Вот засохли на дереве листья –
 Это корни подрезал плавник [3, с. 67].

С точки зрения Кузнецова, поэзия – эта та модель мира, которая ближе всего к оригиналу. Здесь каждое слово незримо связано со всеми остальными (и не только логически, грамматически и синтаксически), здесь каждый звук, тон, ритмическая единица взаимодействуют друг с другом, подчиняясь авторскому замыслу. Больше того, опираясь на ряды ассоциаций и приглашая читателя к сотворчеству, поэт контактирует с мирами природы, культуры, социума, воплощает мир идей и чувств, прорывается к духовной ипостаси вселенной, где идет непримиримая битва Добра со Злом, Света с Тьмой, Христа с Сатаной. Общая картина мира Ю. Кузнецова типологически близка блоковской.

А. Блок в своем лироэпосе тяготел к эпопейности, масштабности исторических обобщений. Об этом свидетельствуют такие его произведения, как «Возмездие», «На поле Куликовом», «Двенадцать», «Скифы». Это же стремление мы видим в творчестве Ю. Кузнецова. Опыт А. Блока и В. Маяковского, А. Твардовского и В. Луговского показал, что личность героя (в том числе и лирического) в поэме-эпосе должна быть соизмерима с исторической эпохой. Поэма-эпосея требует глобальной проблемности, множественности точек зрения, сложной концепции современного мира на основе достижений национальной и мировой культуры, на основе подлинной народности.

Все эти качества присущи поэтической пенталогии Юрия Кузнецова о Христе («Детство Христа», «Юность Христа», «Путь Христа», «Сошествие в ад» и неоконченная поэма «Рай») – одному из самых значительных явлений русской

литературы на стыке XX–XXI веков. Это единое, целостное произведение, проникнутое сквозной идеей, связанное образами Христа и лирического героя, концепцией веры, бытия, Бога и судьбы человечества. Поэма-цикл рисует переломный момент в жизни всего человечества, имеющий, в частности, колоссальное значение для национальной истории России и духовного выбора русского народа в наше время. По сути, это национальная эпопея, хотя прямо о России в ней не говорится. В поэме заключен призыв к вере, добру, духовному подвигу.

В глубине строки Ю. Кузнецова явно ощущим мерцающий и непостижимый смысл бытия. Поэт ощущал данный ему Богом творческий потенциал и не боялся об этом сказать. В поэме «Золотая гора» поэт дерзко заявил, что взошел на Золотую гору поэзии и проник в её «страннооприимный дом», куда не смогли войти «певцы своей узды, и шифровальщики пустот, и общих мест дрозды», куда не пустили даже «воздушного Блока».

Для традиции русского былинного эпоса было характерно изображать героя внешне обыкновенным, но обладающим богатырской силой. Так или иначе, эту традицию подхватили и развивали в русской поэзии и Н. Некрасов, и А. Блок, и В. Маяковский, и А. Твардовский, и Ю. Кузнецов, делая при этом акцент на духовном могуществе отдельного персонажа или коллективном апостольском начале всего народа.

Поэзия Ю. Кузнецова в стилевом плане, несомненно, романтическая, ассоциативно-метафорическая, философская и трагическая по своему пафосу. Все это типологически сближает творчество Ю. Кузнецова с поэзией А. Блока, который определял свой художественный метод как «фантастический реализм» в духе Достоевского, как «реализм большого стиля», «подлинный романтизм», соединение «мистицизма и повседневности». Но по большому счету к Кузнецову не подходит двоичная система воссоздающего и пересоздающего искусства, реализма и романтизма. Это ирреализм, ибо поэт своим практическим опытом проникает в сферы непознаваемого, но это и духовный реализм, ибо духовная реальность выступает у него явной, осязаемой, видимой ипостасью мира.

Многие образы Кузнецов черпает в античной мифологии и мифологии древних славян. Оттуда образы и Мирового Яйца, и Мирового Древа, и змеиных трав, и Сатаны-Прометея. Для поэта характерен космический масштаб времени, что позволяет перевести многие его стихи в символический план. Речь идет о вечных духовно-нравственных проблемах, которые каждому поколению людей надо решать заново, постигая или преодолевая очевидное. И это тоже связывает Ю. Кузнецова с А. Блоком, который в статье «Поэзия заговоров и заклинаний» сформулировал – стилистически и по существу очень близко к статье Кузнецова «Воззрение» – свое творческое кредо, основывая его на мифологии, народной поэзии и опираясь при этом на те же классические источники, что и Блок (А. Афанасьев, И. Сахаров, А. Веселовский, А. Потебня и др.).

Еще одна точка соприкосновения Кузнецова с Блоком – тема «природа и цивилизация». Об этом много размышлял Блок. В статье «Стихия и культура» поэт выразил мысль о том, что, как бы ни шел вперед технический прогресс, человек остается частицей природы и должен помнить об этом: «Человеческая культура становится все более железной, все более машинной; все более походит на гигантскую лабораторию <...> растет наука, чтобы поработить землю; растет искусство – крылатая мечта – таинственный аэроплан, чтобы улететь от земли; растет промышленность, чтобы люди могли расстаться с землей. Всякий деятель культуры – демон, проклиная землю, измышляющий крылья, чтобы улететь от нее», исследующий «с помощью радия... недра земного и своего тела» [1, т. 5, с. 355–356]. Блок

противопоставлял представителям «машинной культуры» простых, «стихийных» людей, для которых «земной промысел... нужней и родней промышленности и культуры» [Там же].

К этой же теме – уже в эпоху настоящей научно-технической революции середины XX века – многократно обращался и Ю. Кузнецов. Хрестоматийным стало его стихотворение на данную тему «Атомная сказка», где конфликт между национально-русским, традиционным сознанием (народной «стихийей») и «машинным», «железным», «радийным» методом познания обнажился до очевидности. Не отрицая науку и прогресс, ярко отражая их достижения в своем творчестве, Кузнецов показал, насколько опасно быть безоговорочным апологетом технократической цивилизации. Напротив, поэт, близкий к подлинно народной точке зрения, всегда видел подводные камни на пути прогресса, изнаночную сторону внешне отрадного явления, не только умом, но и сердцем понимал, что же в конечном итоге пойдет на благо людям, а что – во вред. Поэт утверждал своё право воплощать всю сложность и парадоксальность мира и человека, неразрывно с ним связанного: «Узрел я мир, попутный или встречный; / Его края / Распахнуты в клубки противоречий, / И всюду – я». Поэт мифологизирует действительность. Многие его стихи – это развернутые метафоры, воплощающие судьбу России.

Прикосновение к вечным темам и острейшим конфликтам времени, трезвость взгляда и романтический порыв, взлет фантазии, обращение к средствам фольклора – сказке, легенде – все это должно было помочь постижению глубины жизни, мира, бытия.

Если говорить о ведущих национальных идеях в творчестве обоих поэтов, то идея цельности – одна из них. Это фактически национальная традиция русского искусства. «...Сколько в русском языке слов с корнем “род”, – писал Д. Лихачев в “Заметках о русском”, – родной, родник, родинка, народ, родина...» [4, с. 51]. Ученый размышлял о «широком пространстве, всегда владевшим сердцами русских», о русской «воле-вольной». Перечисляя тех, кого он считал носителями черт национального русского характера, исследователь подчеркивал: «Все вместе, всё вместе: природа и народ» [Там же, с. 77].

Эпическое пространство развернуто в душе Ю. Кузнецова. Оно не сфотографированное, не отраженное, а сконцентрированное, сгущенное. Его эпический мир – это как бы сон наяву. Так, в поэме «Дом» «Степану снился беглый сон...», «Мне снилась юность...», «Но старику не спится...», и далее развертываются картины художественной действительности. Поэма «Путь Христа» – это как бы видение. Не случайно в тексте усиленно нагнетаются понятия миража, сна, грезы. Поэма – плод воображения автора, но не только, ибо сам мир, реальная действительность, по большому счету, плод творческого воображения Творца. Мир воспринимается как творение Божье, то есть как греза, мираж, фантазия. Сквозным, повторяющимся образом в поэзии Ю. Кузнецова становится образ фантома. Он активно разрабатывает поэтику сна, видения. У него широко варьируются мотивы сна («Мне снился сон, когда в меня стреляли...», «Ложе сна», «Вечный круг», «Автопортрет»), видения («Видение Христа в урагане 12 июня 2001»), грез, опьянения («Закуска», «Рюмочки»).

Все эти приемы и мотивы, несомненно, восходят к поэтике символизма и, в частности, А. Блока. Одним из подтверждений данному тезису может служить рассуждение Блока в цитированной выше статье «Стихия и культура». Противопоставляя машинной цивилизации национальный эпический мир народа в его духовно-нравственной цельности и социально-исторической целостности, Блок предупреждает о том, что «стихийные люди» пока еще «видят сны и создают легенды», «все на

этой равнине еще спит», но близок час, когда все это «двинется, – все, как сеть, пойдут: пойдут мужики, пойдут рощи по склонам, и церкви... пойдут с холмов, и озера выступят из берегов, и реки обратятся вспять; и пойдет вся земля» [1, т. 5, с. 357].

Ю. Кузнецов считал себя социальным поэтом. В его стихах ясно звучит тревога за судьбы планеты, за будущее России, за сохранность и жизнённость национальных идеалов, за чистоту и красоту народной нравственности и эстетики. И это тоже сближает его с А. Блоком. Тема России волновала Блока всю жизнь: от стихотворения «Гамаюн, птица вещая» до последних произведений. Русские пейзажи, задумчивые леса, терема, скитские лампы в цикле «Стихи о Прекрасной Даме» – все это неотъемлемая часть его образной системы. И в дальнейшем он поэтизирует сказочную, древнюю Русь, пытается разгадать тайну дремлющей Руси. Характерны его стихотворения «Русь», «Сын и мать». Бичуя зло, ханжество, инертность, пьянство в национальном мире, поэт утверждал: «Да и такой, моя Россия, Ты всех краев дороже мне». «Россия, нищая Россия, / Мне избы серые твои, / Твои мне песни ветровые – / Как слёзы первые любви», – писал он в стихотворении «Россия». Русь у Блока предстает в образе степной кобылицы. Он поэтизирует героическое прошлое России.

Предмет своей любви и почитания Ю. Кузнецов именуется по-разному: «Родина», «матушка Россия», «Россия-мать», «Русская земля», «Великая Русь», «Отчизна», «Земля российская», «Русь святая», но суть одна. «Принимала ты все племена, / И друзей и врагов обнимала. / Хоть меняли твои имена, / Ты текучей души не меняла», – пишет он в стихотворении «К Родине». Следует подчеркнуть, что свою Родину, как и Блок, он не идеализирует, как не идеализирует и русский народ. «Куда ты дел мотор, орясина? / Аль снес за четверть первача? / И все поешь про Стеньку Разина / И про Емельку Пугача», – с горечью обращается он к русскому человеку в стихотворении «Не поминай про Стеньку Разина...». В стихотворении «Сидень» его ролевой герой, восходящий к образу русского богатыря, «на солнце глядит и его отгоняет камнями», а в стихотворении «Дело» он рубит сук, на котором сидит. Не исключение в этой галерее образов и сам лирический герой, который находится во внутренней борьбе («Бой в сетях»).

Русская идея свободно течет из сердца поэта, и, ощущая пути сатаны, чуждой идеологии или падшего мира, он с отчаянной пронзительностью восклицает: «Я нигде не умру после смерти / И кричу, разрывая себя, / – Где ловец, что расставил мне сети? / Я – свобода! Иду на тебя!» Заповедь любви для него остается ведущей: «Люблю, люблю!.. – Моя душа так рада / На этом свете снова видеть свет». Патриотизм Ю. Кузнецова не официально-утверждающий, а тот, о котором писал в свое время В. Соловьев: «Волей-неволей должны мы обратиться к патриотизму размышляющему и тревожному. Безотчетный и беззаботно-счастливый оптимизм патриотов ликующих, помимо их умственной и нравственной скудости, теряет под собой всякую фактическую почву на наших глазах» [9, с. 364]. При этом поэт не хочет уподобляться тем, кто после 1917 г. на протяжении семи десятилетий бичевал царизм, а теперь высмеивает деятелей советской эпохи. Выпукло, в соотнесенности с историческим временем он рисует, например, образы Ленина и Сталина. На современность он смотрит критическим взором, сопоставляя её «достижения» с вечными ценностями.

Некоторые критики (В. Н. Бараков, К. Н. Анкудинов и др.) преувеличивают в почвенничестве роль язычества, находя его проявления, в частности, у Н. Рубцова, а особенно у Ю. Кузнецова. Одно дело, когда древнеславянская мифологема используется как образ, как символ, как средство художественной выразительности, что характерно и для Блока, и другое дело, когда автор сам верит в духовную реальность, в Бога, в миссию Христа, ощущает присутствие в мире Сатаны, чувству-

ет приближение конца света. То есть миф и веру надо развести. Говорить о них в творчестве того или иного художника следует отдельно. Характерно, что миф как источник сюжетов и образов, с одной стороны, и мировоззрение – с другой разделял на уровне филологической рефлексии и сам Блок. В статье «Поэзия заговоров и заклинаний» он предложил свой анализ «бродячих» фольклорных образов и мотивов как явления словесного искусства народа и одновременно его (народа, а не поэта) языческих верований. Анализируя работу А. Н. Веселовского о чудотворном камне Алатыре (сюжет о нем актуален и для Ю. Кузнецова), Блок подчеркнул, что главная заслуга ученого – установление генетической связи между поэтическим образом Алатыря (и его языковых воплощений) и алтарным камнем, алтарем, на котором «установлено высшее таинство христианства» [1, т. 5, с. 65].

Конечно, исходное понятие мифа связано с верой в него, а Новый Завет некоторые поэты воспринимают как собрание мифов. Но у Юрия Кузнецова это не так. Его поэзия пронизана христианским мировидением, теснейшим образом связана с онтологическими, гносеологическими, этическими и эстетическими канонами христианства. Ю. Кузнецов, как и другие современные «почвенники», по большому счету, выражает убеждение в существовании вечной жизни, в Божественном происхождении и развитии мира, Божественной предопределенности судьбы человека при всем его несомненном праве на свободу выбора, он верит в особый статус «Святой Руси». Как и Блок, Ю. Кузнецов глубоко убежден в том, что Россия – это последняя надежда человечества. С ее уходом оно неизбежно деградирует и погибнет: «Я ухожу. С моим исчезновеньем / Мир рухнет в ад и станет привидением / – Вот что такое русское ничто!».

В свое время много писалось о противоречиях структуры и самой системы образов поэмы А. Блока «Двенадцать», о двойственности как отражении антагонизмов эпохи. Но по сути А. Блок создает цельный в своих противоречиях гармоничный эпический мир национальной жизни периода революции. Это эпический мир «порога», перепутья, движения от прошлого к будущему. Свой мир освящен здесь именем Христа, который при всей «женственности» был не только символом спасения, но и искупления через муки на кресте. Блок нарисовал эпический мир страдающей Руси. Её распинали, в неё стреляли собственные дети, которые сами шли в будущее, как на Голгофу. Возникает проблема: Христос – это личностная, лирическая ассоциация или это символ эпохи, независимый от воли автора, результат его провидческого дара? Обычно ставится вопрос: «Что есть Христос для идущих державным шагом?» А ведь в этом образе-символе заключен и другой глубинный смысл: «Что есть идущие для Христа?» И вообще, он движется во главе революционных «апостолов» или же они идут к нему, а значит, к покаянию, по его пути на крестные муки, чтобы снова обрести лоно Святой Руси? Нет, ассоциативно-метафорическая система поэмы для Блока не была субъективной.

Сюжет в поэме Ю. Кузнецова «Путь Христа» далеко не единственный и не главный признак эпичности. Ю. Кузнецов варьирует характерные для национальной культуры (фольклора, литературы, искусства) мотивы, составляющие «традиционное для эпоса содержательное поле», лежащее в основе эпического мира. И ассоциации у него, как и у Блока, не субъективны, а суть результат опыта народной жизни. В поэме «Путь Христа» как бы «сталкиваются Божественное, творческое, сущностное, истинное видение и дьявольское наваждение, которое извращает, искажает истину». В своей итоговой поэме и в стихах 1990-х годов поэт показал путь России, русского народа в переломную эпоху конца XX века, которая близка эпохе начала XX века, – через страдания и муки к духовному возрождению. И если Блок

к образу Христа пришел интуитивно-стремительно, показал его пунктирно, то Кузнецов выстрадал его всей своей жизнью и нарисовал образ Христа развернуто, все-сторонне и глубинно. В поэме «Путь Христа» как бы сталкиваются Божественное, творческое, сущностное, истинное видение и дьявольское наваждение, которое извращает, искажает истину. Россия идет по пути Христа на Голгофу, но в то же время она идет к Христу, к Богу, к своему духовному отцу.

С этой точки зрения решается у Кузнецова и тема смерти. Через смерть к воскрешению, возрождению ведет своего читателя Блок, отмечая «забытый гул погибших городов, / И бытия возвратное движение». Катька у Блока – итоговый женский образ, символизирующий Россию. Она убита революцией. Но «В белом венчике из роз – / Впереди – Иисус Христос». А значит, впереди воскрешение. Как это обычно бывает в героическом эпосе, поэма Кузнецова «Дом» заканчивается на оптимистической, мажорной ноте, утверждая жизнь. Побеждает светлое начало: «Мария плакала светло», «Поэма презирает смерть / И утверждает свет».

А. Блок определил революционную эпоху словами: «И вечный бой! Покой нам только снится...». Фактически он опровергал формулу смерти («вечный покой») формулой жизни. И все-таки покой снится, о нем мечтается. Это покой вечной жизни души. И Ю. Кузнецов не случайно заканчивает поэму «Путь Христа» просьбой, обращенной к Богу: «Боже! Я плачу и смерть отгоняю рукой. / Дай мне великую старость и мудрый покой».

Генетические связи Ю. Кузнецова с А. Блоком прослеживаются на уровне проблематики, тематики, некоторых ключевых мотивов и образов.

Так, Ю. Кузнецов в стихотворении «Пузыри» разворачивает и конкретизирует блоковские образы из цикла «Пузыри земли». Каждое стихотворение Блока – это как бы лопнувший пузырь земли. Не случайно эпиграфом к циклу он ставит слова из «Макбета» Шекспира: «Земля, как и вода, содержит газы, / И это были пузыри земли». Перед мысленным взором поэта возникает всяческая нечисть: чертенята, болотные красотки, старушка-странница, нимфы, твари весенние, болотный попик и т. д. Игра воображения, мечты, образы, связанные с исторической памятью («Солнце – как медный шлем воина», «И шишак – золотое облако», крылья лирического героя пламенеют, как «солнечный шлем»), контрастируют с ржавой водой болот («Зачумленный сон воды», «Ржавчина воды»).

«Всяк пузырь на волю выпускает / Джинна, заключенного внутри», – начинает Кузнецов свое стихотворение. Возникает тема детства. При этом младенческое любопытство свойственно и лирическому герою: «Но младенец этого не знает, / Млечные пускают пузыри», «Хочется тебе пузырь потрогать». «Ты» в данном случае и потенциальный читатель, и сам поэт, а возможно, и Блок, если признать диалогичность текста. Блоковская нечисть сконцентрирована у Кузнецова в одной строчке: «Дьявол строит рожи изнутри». Живая метафора, в основе которой лежит образ пузырей, у Кузнецова на основе ассоциативного мышления переносится в различные сферы бытия и духовной жизни: «Ты слышишь гром и грохот, / То Металл пускает пузыри», «Пузыри кровавые пускают / Чистый разум и душа твоя». В стихотворении Блока «Полюби эту вечность болот...» возникает образ вечности. И Кузнецов подхватывает эту тему: «Вечность дышит, как морская пена». В стихотворении Блока «Я живу в отдаленном скиту...» поэт пишет о тишине колокольных высот, а Кузнецов распространяет сквозной образ пузырей и на собор, переходя к теме смерти, которую разрабатывает в своем цикле и Блок: «Пузырится глазами собор, / Плоть живая пенится мгновенно, / И душа уходит на простор». И здесь переключка с образом Блока из стихотворения «Болото – огромная впадина / Огромного ока земли».

Две последние строфы подводят итог, выражают отношение поэта к концепции блоковского цикла в целом. При этом Кузнецов не приемлет праздных мечтаний

романтического героя, которые контрастируют с низкой и грязной реальностью, осуждает суету славы: «Мир звенит пустыми пузырями / Праздных грез и дутого стекла. / Мыльными мгновенными шарами, / Что пускает слава и хвала» [3, с. 252].

Поэт дает нравственную оценку этому явлению. Но, возвращаясь к теме ребенка и сути поэзии, Кузнецов в итоге оправдывает высокое искусство христианской заповедью: «Будьте как дети». В конечном счете, он приемлет позицию Блока: «Наложи печати и запреты, / Только ничего не говори, / Потому что дети и поэты / Всё же верят в эти пузыри».

С его точки зрения, все оправдывает вера. И о Блоке, и о Кузнецове можно сказать: «Он весь – дитя добра и света, / Он весь – свободы торжество».

Поэма Ю. Кузнецова «Красный сад», видимо, восходит к поэме А. Блока «Соловьиный сад». При этом Кузнецов убирает прямое романтическое противопоставление реального трудового быта и прекрасной мечты. У Блока соловьиный сад – идеал любви и счастья:

Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.
Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте [1, т. 3, с. 243].

Но поэт бежит из этого прекрасного мира любви, возвращаясь к своему предназначению в жизни, своему дому, своему другу-ослу, вместе с которым они несли тяжелую ношу труда. Проблема в том, что, пока лирический герой нежилась в романтическом саду, его место в реальной жизни занял другой. Лирический герой Блока в соловьином саду испытывает земную любовь. Кузнецов пишет о небесном наслаждении красотой цветов, запахами и звуками прекрасного сада. Его лирический герой рад проснуться в этом райском саду и не собирается из него бежать. Можно сделать вывод о том, что «Красный сад» – вариация на блоковские темы, один из ранних подступов к собственному замыслу о Рае и о пути Христа.

Среди мотивов и сюжетов Блока, продолженных по-своему Кузнецовым, можно назвать и знаменитый мотив «In vino veritas». Кузнецов подчеркивает неизмеримую философскую глубину этой истины:

Итак, по стопке. Решено!
Но из моей не пей.
До дна не выпьешь все равно:
Морское дно у ней.
Он усмехнулся и сказал,
Чтоб друга я не ждал.
Была усмешка не по мне,
Как истина на дне [2, с. 428].

Интересна и еще одна параллель: оба поэта разрабатывают образ посоха. Посох – символ опоры, веры, крепости, защиты. В стихотворении Блока этот образ возникает в стихотворении с полусказочным сюжетом – оригинальным дериватом баллад Жуковского:

Я вырезал посох из дуба
Под ласковый шепот вьюги. <...>
Проброжу весь день ради бога,
Вечеру постучусь в оконце...

И откроет белой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, с золотой косою,
С ясной, открытой душою.
Месяц и звезды в косах...
«Входи, мой царевич приветный...»
И бедный дубовый посох
Заблестит слезой самоцветной... [1, т. 1, с. 273].

Блок обыгрывает известный мифологический мотив о расцветшем сухом посохе и соединяет его с романтическим балладным мотивом встречи красавицы-девицы с суженым: любовь производит чудо зарождения-возрождения жизни.

У Юрия Кузнецова в стихотворении «Посох» лирический герой также вооружается «древним» посохом и отправляется в путь по широкому полю, чтобы поразить змею, – явный отголосок мифа о Георгии Победоносце, победившем дракона и спасшем девицу. Временная реалья – событие поражения змея происходит «раз в сто лет» – помогает наметить исторический контекст и позволяет понять аллюзию: раз в сто лет в русской истории происходят такие катаклизмы, «когда наступает конец», и тогда «великий мертвец» (национальное народное начало, «русское ничто») воскресает и уничтожает врага, не допускает окончательной гибели государства и народа. Идя по пути творческой мысли Блока, Кузнецов переводит сюжет с посохом из мистического в метафизический план, из любовно-балладного жанра в жанр притчи. В обоих случаях лирический герой – вариант русского богатыря, героиня – воплощение женственного начала, Родины. Но у Блока сюжет интерпретируется в духе раннего символизма, а у Кузнецова – в ассоциативно-метафорической манере.

Наконец, подводя предварительный итог размышлениям о месте и значении творческого наследия А. А. Блока в художественном сознании Ю. П. Кузнецова, стоит привести еще один интересный и знаменательный факт. Активно используя ассоциативно-метафорический стиль, Ю. Кузнецов не хотел бы впасть в «духовное одичание метафоризма» [2, с. 20], считая это «одичание» прерогативой постмодернистского искусства, незавидным уделом «шифровальщиков пустот». В этом он также оказывается близок А. Блоку, принадлежавшему, как и Кузнецов, сложной и противоречивой литературной эпохе, полной модернистских вызовов и соблазнов. Однажды, анализируя русскоязычные переводы из Гейне, Блок оценил их отрицательно, как искажающие суть его поэзии. По мнению Блока, русская либеральная интеллигенция, бравшаяся переводить Гейне, претерпевала в своих «матерьялистических мозгах» настоящее «цивилизованное одичание». Используя выражение «метафоричность мышления», которая «нас заела и поныне ест, не ест, а жадно пожирает», Блок утверждал, что за этими словами («метафоричность мышления») «стоит сама смерть». В результате такого «одичания» и «метафоричности мышления» либералы-переводчики искусственно сделали из Гейне «яростного революционера наподобие... Гарибальди» [1, т. 6, с. 141–142], выхолостив из его стихов самую суть.

Искусственная избыточность метафоризма может привести к духовной смерти, к выхолащиванию смысла из поэтического произведения. Этот вывод явно прочитывается в статье Блока, органичен для его эстетической системы и творчески воспринимается и усваивается Ю. Кузнецовым, как и блоковская поэтическая традиция в целом.

Список литературы

1. Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1960–1963.
2. Кузнецов Ю. П. Крестный ход : стихотворения и поэмы. М. : Сова, 2006. 640 с.

3. Кузнецов Ю. П. Стихотворения. М.: Эксмо, 2011. 480 с.
4. Лихачев Д. С. Земля родная: книга для учащихся. М.: Просвещение, 1983. 256 с.
5. Николаева С. Ю. Древнерусские памятники в литературном процессе (от Г. Р. Державина до Ю. П. Кузнецова): монография. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010. 252 с.
6. Николаева С. Ю. Поэзия И. А. Бунина в творческом сознании Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. № 18. Вып. 3. С. 44–53.
7. Редькин В. А. Инфернальный мир в творчестве Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 78–83.
8. Редькин В. А. Поэма Юрия Кузнецова как жанровая система // Юрий Кузнецов и христианский мир. М.: Моск. культурно-образовательный центр при Литературном ин-те им. А. М. Горького. 2013. С. 66–82.
9. Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. 424 с.

THE TRADITIONS OF A. A. BLOK IN THE POETRY OF YU. P. KUZNETSOV

V. A. Redkin, S. Yu. Nikolaeva

Tver State University
the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

A. Blok is considered as one of the literary predecessors and teachers of Yu. P. Kuznetsov. Creative continuity between the two great poets is manifested at the level of intertextuality, in the peculiarities of metaphorization and of mythopoetics, in the development of epic and epos principles, in the social focus, in the system of key images and concepts (“bubbles of the earth”, “the way of Christ”, “crozier”, “the nightingale / red garden”, “nature and civilization”, Russia, etc.).

Keywords: *A. A. Blok, Yu. P. Kuznetsov, metaphor, intertext, myth-poetics, tradition.*

Об авторах:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foivid-red@rambler.ru.

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru

About the authors:

REDKIN Valery Alexandrovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: foivid-red@rambler.ru.

NIKOLAEVA Svetlana Jurevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.